

За все девяносто с лишним лет он высказывается и говорит вслух то, о чём все девяносто лет молчал.

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ.
Великий инквизитор.

ИТАК, СВЕРШИЛОСЬ: 27 ноября в Ленинграде президент Путин открыл памятник писателю Даниилу Гранину, Герою Социалистического Труда, почётному гражданину Санкт-Петербурга.

"Судьба Гранина, судьба нашего выдающегося соотечественника и современника, — сказал президент, — была неразрывно связана с Ленинградом, с Петербургом. И сам он, его личность, воплотили лучшие черты его родного города. Потому что этот город, безусловно, стал для него родным". Путин, сообщает пресса, назвал Гранина подлинным русским интеллигентом, выдающимся мыслителем, честным, совестиливым и порядочным человеком, которому в своих произведениях удалось отразить события почти всего XX века. "Он заслужил признание и любовь, уважение миллионов людей. При этом никогда не останавливался в своём творческом и духовном поиске. Как и многие герои его книг, он стремился к познанию, к истине".

Российский лидер напомнил, читаем дальше, что Гранин ушёл на Великую Отечественную войну добровольцем. Защищал Ленинград в самые тяжёлые дни блокады. После войны посвятил себя творчеству, напоминая людям о милосердии и человеколюбии.

"Литгазета" сообщает: "Инициатива сооружения монумента принадлежит Российскому военно-патристическому обществу". Это и заставляет меня вернуться ещё раз к новому монументу, ибо накануне знаменательного юбилея великой Победы советского народа над немецким фашизмом важно сказать нужное слово именно о военной истории, об истории Великой Отечественной войны.

Что ж, всё прекрасно. Мы услышали: истинный русский интеллигент, мыслитель, совестливый человеколюбо, стремился к истине, с ним была любовь миллионов...

Что ещё можно добавить? Только вот насчёт подлинного русского интеллигента... Не совсем подлинный. Он писал в анкетах, что украинец. И насчёт добровольца.... Согласно Указу Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 года, Гранин по возрасту подлежал мобилизации в первые дни войны. Не совсем правильно утверждение и тех, кто уверяет, что писатель начал войну рядовым, а закончил капитаном. Нет, до войны он работал секретарем комитета комсомола знаменитого Кировского (Путиловского) завода, т.е. был крупным комсомольским работником, и в армии сразу получил звание капитана. В этом же звании ещё в октябре 1944 года он и демобилизовался.

Да, ныне, в такой знаменательный час — нельзя не вспомнить некоторые странные суждения мыслителя-фронтовика о войнах вообще и о Великой Отечественной в том числе.

Однажды, например, мыслитель заявил: "Правда о войне всегда меняется". Это как понимать? Допустим, за два века — что изменилось в правде о войне 1812 года? Конечно, что-то могло быть уточнено, дополнено, но ведь не об этом же речь! Я знаю только две попытки изменить давно известную правду об этой войне и внедрить новую. Первую совершил известный "меч Божий" Солженицын. В своём несправедливо забытом "Архипелаге" он уверял: "Из-за полеских лесов и ильменских болот Наполеон не нашёл Москвы" (Париж, 1973. YMCA-PRESS.T.1.с.387). Так что, выходит, никакого Бородинского сражения, никакого пожара Москвы, никакой Березины и гибели великой армии двенадцати языков — не было и быть не могло. Упёрся Наполеон в болота и повернул обратно, в любимый Париж. Ну, это кардинально... Выходит, и Пушкин фантазировал:

*Напрасно ждал Наполеон,
Последней славы упований,
Москвы коленоопреклоенной
С ключами старого Кремля.
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою...*

И Лермонтов неизвестно зачем тормозил каково-то шарца:

*Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?*

Всё это выдумки, твердит нам тот, кто сочинил полубессмертный "Архипелаг". Действительно, сей неожиданный пассаж о болотах даёт основание задуматься, кто же автор: взрослый человек с высшим образованием не мог не знать того, что знает у нас любой школьник.

Второй факт новой правды об этой войне соорудил сам Гранин, утверждая, что армия Наполеона была армией жутко совестливых, стыдливых, честных людей. И в знаменитом романе "Война и мир" именно такими они и показаны. "Французы для Толстого, — уверял ещё не бронзовый Даниил Александрович, — были не только оккупантами, но и людьми, которые страдали, мучились. Толстой относился к французам как к несчастным людям, втянутым в кровопролитие". Со страниц "Завтра" я тогда попросил будущий памятник называть в романе образ хоть одного французского оккупанта, который страдал бы и мучился, грабя и убивая русских людей, а Толстой жалел его.

В другой раз мыслитель поведал: "Каждая война рано или поздно становится грязной". Каждый!.. Ну, во-первых, бывали войны, которые не рано или поздно, а с самого начала, даже с замысла были грязными. Таковы нашествия Наполеона и Гитлера на нашу родину, нападение Японии на Китай в 1931 году, трёхлетняя агрессия США против Кореи, начатая в 1950 году, с 1959 года длившаяся 15 лет война против Вьетнама и другие кровавые бесчинства США против стран аж на другой от них стороне земного шара, где им абсолютно нечего было делать, — против Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии...

А когда же стала грязной Великая Отечественная война, спасающая мир от рабства — не с того ли момента, как Гранин за полгода до её окончания демобилизовался? Или всё-таки успел поучаствовать в Грязной войне? Очень странно, однако кумир миллионов не понимал, что все освободительные войны, отпор и изгнание любого захватчика — это благороднейшее дело.

Мы услышали от искателя истины ещё и такое: "У нас история войны обросла враньём". Это кто же постарался? Кто эти лжецы? Шолохов в романе "Они сражались за родину", в рассказе "Судьба человека" и в статье "Наука ненависти"? Алексей Толстой в "Рассказах Ивана Сударева" и в "Русском характере"? Тихонов в поэме "Киров с нами"? Фадеев в "Молодой гвардии"? Леонов в пьесах "Нашествие" и "Взятие Великошумска"? Эренбург в пламенной и почти ежедневной в пору войны публицистике? Твардовский в "Василии Тёркине"? Светлов хотя бы в стихотворении "Итальянец"! Антокольский в поэме "Сын"? Соболев в "Морской душе"? Корнейчук в пьесе "Фронт"? Симонов в повести "Дни и ночи", в двухтомнике военных дневников и в таких стихах, как эти:

*Опять мы отходим, товарищ.
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце пожара
Заходит у нас за спиной...*

Или Некрасов "В окопах Сталинграда"? Бондарев в повестях "Горячий снег" и "Батальоны просят огня"? Сергей Смирнов в "Брестской крепости"? Константин Воробьёв в "Убиты под Москвой"? И "Это мы, Господи!", Семён Гудзенко, Павел Шубин или Юрий Белаш в своих стихах? Вершигора в "Людах с чистой совестью"? Полевой в "Повести о настоящем человеке"? Или

Ковпак в воспоминаниях "От Путивля до Карпат"? Или Медведев в "Сильные духом"? Или врали Шостакович в Седьмой симфонии, Калозов в фильме "Летят журавли", Чухрай в "Балладе о солдате"? Или неправду показали художники Корин и Дейнеко, Пластов и Кривоногов?

Некоторые из перечисленных имён и произведений были упомянуты в написанной Граниным вместе с А.Адамовичем "Блокадной книге" с почтением и уважением, как честные, правдивые свидетельства о войне. Так это же было в Советское время. А теперь это стало для него враньём?!

Охотники извратить и обогатить историю Великой Отечественной действительно есть и всегда были, но в Советское время им не давали хода, а теперь за такую клевету дают ордена, премии, ставят памятник. Помнитесь, в той же "Литгазете" была примечательная статья о "круглом столе" в Ленинграде, посвящённом окончанию Второй мировой войны. В нём приняли участие историки, писатели, деятели культуры, в том числе — и Гранин.

Думаю, что на Западе не решились бы лгать о войне, если бы не отечественные клеветники-первопроходцы, прежде всего — Хрущёв, а потом Волкогонов, Радзинский, Сванидзе, Млечин, Б.Соколов, Солонин и другие. После них на Западе рассудили просто: уж если русские (хотя кто там русский?) сами такое вытворят со своей Победой, то почему же нам не воспользоваться, не победать вслед?

Прав президент Ассоциации музыкальных театров страны Юрий Александров, сказавший на том "круглом столе": "Формально Вторая мировая война закончилась, а фактически нет. Если раньше убивали тело, то теперь — душу". И писатель Евгений Водолазкин где-то у кого-то усмотрел "враньё и фальшь" о войне, но кто именно и кого он имел в виду, понять из текста

Владимир Бушин

Черты к монументу Гранина

статьи нельзя — в ней нет имён и фактов. Но вспоминается такой факт из праведной жизни самого Водолазкина. 8 мая 2009 года он писал в "Новой газете", что во время блокады Ленинграда А.А.Жданову, главному руководителю обороны города, спейсрейсами доставляли самолётами ананасы. И сказано эта чушь с такой уверенностью, словно сам Водолазкин самолёт вёл.

Сильно удивило и выступление директора Института русской литературы Академии Наук Всеволода Багно. Он уверял, что "не в столь давние времена чиновники с партбилетами диктовали, скажем, Ольге Берггольц, что на войну надо смотреть, отдавая предпочтение победным мотивам". От таких "мотивов" у Багно с души воротит — он, видите ли, считает, что надо "отдавать предпочтение" "мотивам" неудач, поражения. Да известно ли ему, кто и где подписал акт о безоговорочной капитуляции? В обстоятельном повествовании о войне, конечно, должен быть "мотив" наших неудач и просчётов, но в полный голос надо говорить прежде всего о нашей великой Победе. А Ольга Берггольц никто ничего не диктовал. Вот строки, которыми она встретила войну:

*Мы предчувствовали подыханье
Этого трагического дня.
Он пришёл. Вот жизнь моя, дыханье —
Родина! Возьми их у меня...*

Это могли продиктовать ей только русские небеса.

А кто мог продиктовать это:

*125 блокадных грамм
С огнём и кровью пополам...*

Попробуйте диктовать такому поэту, такой женщине. Я-то знал её... Ольга Фёдоровна была голосом блокадного Ленинграда. Она умерла сорок пять лет тому назад, и уж вот кто действительно достоин памятника.

Так почему же Гранин, сокрушаясь о чём-то вранье про войну, никого не назвал хотя бы во время этого "круглого стола", почему не защитил хотя бы Ольгу Берггольц, как почётный гражданин Санкт-Петербурга — ленинградку?

За этим "круглом столом" писатель рассказывал, что встретился с бывшим канцлером ФРГ Гельммутом Шмидтом, своим ровесником, в годы войны — солдатом вермахта, участвовавшим в блокаде Ленинграда. Он, Гранин, считает его человеком мудрым и симпатизирующим нашей стране. И спросил мудреца: "Почему вы проиграли войну, хотя могли выиграть? Почему победили мы?" Вы подумайте, ему страшно хотелось попытаться, почему же фашисты не разгромили Красную Армию, в которой он служил, и не поработили его родину. И что же ответил бывший солдат вермахта? Он сказал: "Вы победили потому, что в войну вступила Америка". И что Гранин? Промолчал. Не посмел сказать: а где она была, могучая Америка, в 41-м, когда мы, отступая, обливались кровью; в 42-м, когда мы погнали немцев; в 43-м, когда мы гнали и гнали их; где она была до лета 44-го года, когда мы уже освободили почти всю нашу землю и готовились вступить в Неметчину? Где?

ПРЕЗИДЕНТ ПУТИН СКАЗАЛ, что Гранин защищал Ленинград, что он почётный гражданин Петербурга. Да, это высокое звание он получил, когда губернатором была Валентина Матвиенко. Но странные вещи говорил иногда защитник Ленинграда и его почётный гражданин именно о любимом городе в пору войны.

Гранин однажды был приглашён в Германию, и вот что он сказал в бундестаге: "Когда на Ладожском озере лёд окреп, по нему проложили "Дорогу жизни", и началась эвакуация". Началась?.. Да неужели Жданов, командующий Ленинградским фронтом Ворошилов, потом генералы Жуков, Говоров и другие руководящие товарищи не догадывались, что можно эвакуировать и по воде? Существовала же Ладожская военная флотилия, в августе 1941 года в ней насчитывалось 66 кораблей и катеров, даже имелась одна подводная лодка. Да ещё, надо полагать, были на озере и гражданские суда. А авиация? И упомянутые товарищи не соображали, что всё это можно использовать, ждали ледовой дороги? Ведь она была открыта лишь 22 ноября 1941 года. Вот только тогда и началась эвакуация? Господи, даже в таком деле — враньё!.. Эвакуация началась за два с лишним месяца до блокады — 29 июня 1941 года, на пятый день после того, как был создан Совет по эвакуации при правительстве (А.Вольнец, А. Жданов, ЖЗЛ, 2013, стр. 333).

И дальше у Гранина: "Пока не растаял лёд на Ладожском озере, удалось эвакуировать 376 тысяч человек". Откуда эта цифра? А куда флотилия делась? Чем занималась? Почётный гражданин обязан был знать, что эвакуация проводилась и зимой, и летом, и по воде, и по льду, и по воздуху. Всего было эвакуировано около 1,7 миллиона человек, в том числе немало — самолётами (Великая Отечественная война. Энциклопедия. М, 1985, с. 401).

Гранин вешал лапшу на уши немецким парламентариям и тогда, когда рассказывали им и об одной операции Ленинградского и Волховского фронтов: "Синявинская операция длилась до конца октября. Ничего не получилось с прорывом блокады. Наши войска потеряли 130 тысяч человек". Как потеряли? Ведь потери ваяют разные: убитыми, ранеными, умершими от болезней. Он не желал уточнять и сказал так, словно 130 тысяч — это бесспорные потери

убитыми. Но, во-первых, Синявинских операций было две: 1941 и 1942 годов. Он говорил о первой, которая началась 10 сентября — сразу после того, как немцы 8 сентября захватили Шлиссельбург и замкнули блокаду Ленинграда до суши. Это была первая поспешная попытка её прорыва, она не удалась. Но в ней участвовали только 54-я отдельная армия, которой командовал маршал Кулик, и Невская оперативная группа, они прорывались навстречу друг другу. И войск с обеих сторон было у нас в целом 71 270 солдат и офицеров. А у этого фронтовика-мыслителя одних только убитых почти в два раза больше. Но безвозвратные потери в этой тяжёлой операции составили 22211 человек (Г.Ф.Кривошеев и др. Книга потерь. М, 2009, с.178). Он эту цифру преувеличил почти в шесть раз. Словом, дорогой гость из России рассказывал немцам о вещах, о которых не имел никакого представления.

Впрочем, любой человек может ошибиться, но Гранин всё время, долгие годы круто ошибался только в одну сторону — против Красной Армии, против своего народа. Это даёт основание говорить, что мы имеем дело не только с ошибками и плохим знанием предмета, а с обдуманным, сознательным искажением правды.

"ВОСЕМНАДЦАТАЯ АРМИЯ фон Лееба, — просвещал немцев Гранин, — отбивала все попытки прорвать оборону". Как это? В обороне был город и Ленинградский фронт. А генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб блокировал Ленинград, и не армией командовал, как можно подумать, а группой армий "Север", в которую, помимо 18-й, входили ещё 16-я армия и 4-я танковая группа, всего 29 дивизий, из которых 6 — танковых, да ещё 1-й воздушный флот — 760 самолётов. И всё-таки эти огромные силы прорвать оборону

Отлитый в Гранин

Ленинграда не смогли. В январе 1942 года Лееб был смещён.

Гранин обличал: "Наша пропаганда нравственных запретов не имела". Да, наша гранинско-солженичинская пропаганда, маэстро, сказал я ему тогда, действительно не имеет никаких запретов.

И вот ещё пример тому. Дико читать, что немцы, зная о высокой смертности в Ленинграде, радовались и тому ещё, что "не надо будет никого кормить". Им — кормить?! Так мог сказать только человек, имеющий совершенно нелепое представление о том, что это за война была. Это мы, освобождая от фашистов немецкие города, кормили немцев из своих походных кухонь, прежде всего — детей и стариков. У нас в роте было два повара — Годин и Роберман (имена забыл). И я видел, как в Кенигсберге, в районе Ротенштайн, где мы стояли, они кормили несчастных немецких пацанов... А кого, когда, где накормили фашисты? Они грабили и убивали. И только. Известно заявление Геринга в первые дни войны, что, да, в этом году погибнет от голода 30 миллионов русских. Весьма примечательно, что в 1991 году именно эту цифру назвал и наш доморощенный Геринг, по фамилии Чубайс.

ЕСЛИ ВЕРНУТЬСЯ К ТОМУ, что Мыслитель говорил не об отдельных операциях, а о войне в целом, то опять вспоминаются его пророчества: "По всем данным, войну с Германией мы должны были проиграть... Все преимуществ были на стороне немцев, мы потеряли полстраны... Я помню чувство отчаяния, с которым мы жили, те тяжёлые вопросы самим себе — почему так произошло, ведь с Гитлером мы недавно братались?" Во-первых, никакого братания с Гитлером, с немцами не было, были дёловые отношения: мы — вам, вы — нам. Неужели взрослый человек, секретарь комитета комсомола большого ленинградского завода не понимал этого, не понимал, что тут были всего лишь вынужденные политические манипуляции?

"Одолевало чувство несправедливости, разочарования — почему мы такие беззащитные, плохо вооружённые, с плохим командованием?..." Какое враньё! От кого он ждал справедливости — от Гитлера? В ком разочаровался — в Геббельсе?

Насчёт качества оружия и военной техники в начальную пору войны были затруднения. Но вскоре мы получили такое оружие, что немцы, как ни старались, так до конца войны и не смогли перенять его. Например, такие знаменитые дары нашей науки и техники, как многоствольный ракетный миномёт "Катюша", танк Т-34, самолёт Ил-2.

А командование? С большим опозданием, только в марте 1945 года, но два вышеупомянутых немецких персонажа просто восхищались нашим генералитетом, ставя его гораздо выше собственного.

А если не на генеральском уровне, то я могу назвать хорошо памятные мне офицеров своей части и тех, кому мы подчинялись: полковник Горбаренко, майор Амбрузов, капитаны Шуст и Ванеев, старшие лейтенанты Ищенко, Требух и Пименов, лейтенант Павлов, недавно умерший в Алуште; лейтенанты Михайлин, Дунюшкин, Эткинд, Гудков, Губайдуллин, Аладушкин... И я совершенно согласен с Геббельсом и Гитлером, готов дополнить их: все названные мной были знающими своё дело умелыми офицерами.

А вот ещё одно кардинальное открытие: оказывается, на войне бывает страшно, а мы будто бы это скрывали. От кого? Гранин же бесстрашно рисует правду о войне: "Настоящий страх, страх жутчайший настиг меня... Я мчался, словно по пятам за мной гнались. Ни разу не оглянувшись, смотрел только на впереди бегущих, обгоняя одного за другим..." То есть возглавил бегство. "Я что-то орал, кому-то грозил..." Ну, это уже паника. За такое паникёрство могли и пристрелить, как описано, например, в стихотворении Юрия Белаша:

*— Стой, зараза! — сержант закричал,
Урожающие кланцую затвором...
— Стой! Кому говори!..
Без разбора,
Трус охваченный страхом, скакал...
Хлопнул выстрел — бежавший упал.
Немцы были уже в ста шагах...*

Об этом же есть прекрасное стихотворение у Юли Друнной:

*Когда, забыв присягу, повернули
В бок два автоматачка назад,
Доносили до нас маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.*

*Упали пары, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперёд.
Его за этих двух лишь тот осудит,
Кто никогда не шёл на пулемёт.*

*Потом в землянке полкового штаба,
Буаеи молча везя у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.*

*И сотни раз читала письма людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!*

Сурово, жестоко... А что было делать! Критик А.Турков был в восторге от панического бегства, описанного Граниным: вот, мол,

правда жизни-то. Конечно, были люди, которые, когда можно было не бежать, всё-таки бежали; были и обстоятельства, когда нельзя было не бежать. С другой стороны, позопже и немцы до самого рейхстага бежали... Вот описать бы. Но это никогда не интересовало Гранина. Нет, он хотел размусолить картину нашего — вернее, своего героя — бегства: "Последнее, что я видел (на бегу), это как Подрезов стоял во весь рост в окопе, стрелял и матерился. Выжить он не мог. Да он и не хотел выжить, это я знаю точно, ему обрыдла такая война, бегство..." Вот ведь картина! Будто вся война именно такой и была — сплошное бегство.

Но, вопреки нашей изначальной безнадёжности, объявленной с большим опозданием Граниным, а ещё в 1941 году — военным министром США Генри Стимсоном, дававшим нам на сопротивление два месяца, Советский Союз всё же победил. Как это случилось? Ведь однажды писатель уверял: "Я видел, что ленинградцы шли на фронт с косами". Да где было в 1941 году взять косы в Ленинграде хотя бы на один батальон? Этому гранинскому памятнику и дать бы в бронзовые руки бронзовую косу!

За тем "круглым столом" Гранин так объяснил нашу Победу: "И когда мы(!) поняли, что проигрываем войну (это когда же именно "пояни"? В 1942-м? В 1943-м? — авт.), ...тогда к нам пришло остеревнение." Примечательно, что именно так же говорит о войне другой Мыслитель — Михаил Жванецкий, не так давно поведавший с телеэкрана, что до 1943 года мы и не воевали, но когда, наконец, стало известно, что немцы истребляют ещё и евреев, — вот тогда и пошли в бой...

А в 1941 году, уверяют оба Мыслителя, желание дать отпор, бить врага было нам неведомо. А что же делали, как вели себя защитники Брестской крепости, Одессы, Севастополя? Как

шистского руководства как можно больше истребить наш народ. Приведу лишь одну цитату оттуда: "7 сентября 1941 года в секретной директиве Верховного командования говорилось: "Фюрер решил, что капитуляция Ленинграда и Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником". И авторы тут же поясняли: "Москва и Ленинград обрекались на полное уничтожение вместе с жителями. С этого должно было начаться то, что Гитлер имел в виду: "Разгромить русских как народ". То есть истребить, уничтожить как биологическое, географическое и историческое понятие" (с.22). И плевали они на все конвенции!

Значит, почётный гражданин знал, что если немцы не посчитались с двумя межгосударственными договорами с нашей страной, исключавшими возможность любого противостояния, то никакой роли на пути их истребительных планов не могла сыграть никакая Женевская конвенция. Да, знал, а позже уверял, что всё дело — в этой конвенции. То есть опять не заблуждался, а лгал сознательно, целенаправленно. Но пусть объяснит бы, почему из плена в Советском Союзе, не подписавшем конвенцию, вернувшись на родину 85% немцев, а наших пленных вернулись из Германии, подписавшей конвенцию, — меньше половины? (цит. соч., с.376).

И вот что Гранин говорил о другой стороне этого вопроса: "Одно из тяжких и постыдных последствий войны — отношение к пленным. Плен у нас карался как преступление... Бывших пленных подвергали репрессиям. Они пребывали отверженными, бесправными". Как всегда — ни фактов, ни имён. "Бесправные"! Назвал бы хоть одного, лишённого пусть бы даже водительских прав. А я могу назвать много людей, в том числе — писателей, которым плен не помешал и жить в столице, и учиться или работать там, где хотели, и печататься, и получать премии, ордена, и в партию вступить.

В Литературном институте — как тогда говорили, "идеологическом" — сразу после войны со мной учились и работали извещавшие плен Н. Войткевич, Б.Бедный, Ю.Пиляр, преподаватели русской литературы А.Н.Власенко, Н.Трифонов... Коля Войткевич был до того "отверженным", что

погибли Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Николай Гастелло?

На фронте за ценой стояли. И ещё как! Вот хотя бы телеграмма командующего Западным фронтом генерала армии Жукова командующему 20-й армией генерал-лейтенанту Власову во время нашего контраступления под Москвой в декабре 1941 года: "Не разрушив огневые точки врага, вы бросили на ПТО танки и пехоту. Вы не жалеете людей, не жалуете танки. Приказываю разрушить артиллерийск укрепления противника. Запрещаю легкомысленные броски танков и пехоты на укреплённые полосы противника" ("Правда", 16 декабря 2011 г.). И ведь таких документов немало!

А Гранин не только ни разу не упомянул обрым словом Сталина или Жукова, Рокоссовского или Василевского, но ещё и решительно отрицал роль армии: мол, не она победила, а народ! Оторвать армию от народа и даже противопоставить их — по силам только уж очень большому мыслителю.

Какую чушь ещё можно придумать? Представьте, Мыслитель придумал. "У нас скрывали поражения", — сказал он Гельмуту Шмидту. Да как возможно скрыть, если вермахт дошёл до Москвы, а потом — до Волги? Иной раз в сводках, естественно, случались ошибки, порой что-то умалчивалось из военных сообщений, но о захвате немцами Минска и Кишинева, Вильноса и Сталино, Киева и Севастополя — всех 727-ми захваченных немцами городов, — в сводках, разумеется, не скрывалось.

И ведь это — ещё не вся его персональная гранинская правдуха о войне. Он уверял, что нашим солдатам в окопы и землянки присылали для утех молодых женщин. Вот и нам, бормотал старец, прислали как-то одну на двоих... Это кто же прислал — командующий армией, фронтом, нарком обороны? Много довелось мне читать мерзкой клеветы о Красной Армии, о войне, но такое встретил впервые.

Не обошёл неутомимый искатель правды и проблему наших пленных. Уверял, что они "перетерпи голод, нечеловеческие условия" только потому, что "не были защищены Женевской конвенцией". Такое заявление опять свидетельствовало бы о полном непонимании, что такое была та война, но в "Блокадной книге" Гранина и Адамовича были приведены многочисленные документы, свидетельствующие о планах фа-

все пять лет оставался старостой нашего курса. И Юра Пиляр не избежал "репрессий" в виде издания нескольких повестей и романов.

Назову имена ещё более известные: писателей Степана Злобина и Ярослава Смелякова. Оба занимали важные должности в Московском отделении Союза писателей, первый был председателем секции прозы, второй — поэзии; оба получили высокие литературные премии — Сталинскую и Государственную, у обоих выходило много книг. А всего в справочнике "Отчизны верные сыны" (М., 2000) значится более двадцати писателей, которые были в плену.

А факты притеснения, конечно, были, ибо перестраховщиков и додлонов не сеют, не жнут, они сами роятся. Поэтому ЦК и СНК приняли постановление, чтобы утихомирить их. В нём говорилось: "Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или в окружении противника" ("Правда", 19 мая 2005 года).

С крайним изумлением прочитал я у Гранина и эти строки: "Только спустя двадцать лет после войны, в 1965 году отметили солдат медалью в честь Победы". Уж и не знаю, что это было: опять старческий сбой памяти или злонамеренное враньё? Медаль "За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." была учреждена Указом Верховного Совета СССР сразу после окончания войны — 9 мая 1945 года. Её получили около 15 миллионов человек. Очень многие — ещё до мобилизации и вернулись домой уже с этой наградой.

Р.С.
Лет тридцать-сорок после войны Гранин не писал о ней. Видимо, считал, что опыта инструктора политотдела, навывка комсомольской работы, как и срока пребывания на фронте, — маловато, чтобы писать. И Гранин молчал о "своей" войне.

Но настали иные времена. Фронтовиков, которые могли бы сказать: "Полно врать-то!" — осталось мало, и они уже так состарились, что многим было не до этого. И тут Гранин развернулся... Он принимался писать о войне статьи, книги, давал интервью, принимал участие в создании военных фильмов, стал охотно рассуждать о войнах вообще и о художественных произведениях, в той или иной мере посвящённых войнам. И каково всё это, мы видим...